

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский университет)»
Институт открытого и дистанционного образования
Кафедра «Управление и право»

РАБОТА ПРОВЕРЕНА

Рецензент

Следователь Ленинского района
г. Магнитогорска
Челябинской области

_____ Р.Г. Титов
_____ 20__ г.

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой

_____ А.А. Демин
_____ 20__ г.

Соучастие в преступлении: понятие и признаки

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ – 40.03.01.2018.11619. ВКР

Руководитель работы
доцент кафедры УиП

_____ Л.В. Красуцких
_____ 20__ г.

Автор работы

студент группы ДО–554

_____ Е.П. Толмачев
_____ 20__ г.

Нормоконтролер

ст. преподаватель кафедры УиП

_____ Е.Н. Бородина
_____ 20__ г.

Челябинск 2018

АННОТАЦИЯ

Толмачев Е.П. Соучастие в преступлении: понятие и признаки – Челябинск: ЮУрГУ, 2018, ДО–554, 39 с., библиогр. список – 53 наим. 8л. плакатов ф.А4.

Объектом исследования является охрана общественных отношений от преступлений, совершаемых в соучастии, тенденции развития законодательства и практики его применения в отношении соучастников в преступлении.

Целью исследования является комплексное уголовно–правовое исследование понятия и признаков соучастия, а так же анализ некоторых проблем, возникающих в процессе определения признаков соучастия и квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

В работе рассмотрено соучастие как уголовно–правовое явление, проанализированы понятие и признаки соучастия, определяющие уголовную ответственность. Кроме того, исследованы вопросы проблем определения признаков соучастия, а так же проблем квалификации преступлений с «неудавшегося» соучастием.

Результаты работы имеют практическую значимость, содержат выводы, предложения по совершенствованию норм уголовного права в части соучастия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ...	6
1.1 Понятие соучастия в уголовном праве России.....	6
1.2 Теория соучастия и ее влияние на квалификацию преступлений	7
2 ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ	15
2.1 Объективные признаки	15
2.2 Субъективные признаки.....	23
3 НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	29
3.1 Проблемы установления признаков соучастия	29
3.2 Проблемы квалификации неудавшегося соучастия.....	31
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	34
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	36

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В настоящее время значительное количество преступлений совершается в соучастии, что вызывает их повышенную социальную опасность.

Как самостоятельный институт, соучастие в преступлении уже рассматривалось в первом русском учебнике по уголовному праву В.Д. Спасовича в 1863 году, в котором соучастие было охарактеризовано как слияние многих лиц в одном преступлении. В ст. 32 Уголовного кодекса определяет соучастие - это умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Из этого определения следует, что институт соучастия в уголовном праве охватывает определенный тип преступлений, когда он совершается не одним лицом, а несколькими лицами, которые присоединились к их усилиям по достижению криминального результата.

Практика показывает, что в большинстве случаев наиболее опасные преступления совершаются путем объединения усилий нескольких лиц. В таких случаях обычно причиняется значительный ущерб, происходят более серьезные уголовные последствия.

Участие в преступлении - это форма совершения преступления и не является независимым преступлением. Соучастие может иметь место в любом преднамеренном преступлении, поэтому положения уголовного закона о соучастии помещаются в независимую главу 7 общей части Уголовного кодекса. Понятие соучастия, его дифференциация на формы и виды остаются спорными в юридической литературе, а применение уголовного права крайне противоречиво.

Это исследование предполагает изучение юридического характера института соучастия, его концепции, а также объективных и субъективных особенностей.

Степень научной разработанности. Соучастие в преступлении рассматривалось отечественной наукой в работах видных ученых: А.П. Жиряева, Г.Е. Колоколова, Н.Д. Сергеевского, В.Д. Спасовича, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, И.Я. Хейфеца. Также большой вклад в изучение соучастия внесли такие ученые как: Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, П.Г. Гришаев, М.И. Ковалев, А.П. Козлов, Г.А. Кригер, М.Д. Шаргородский, П.Ф. Тельнов и другие. Отдельные вопросы соучастия также нашли отражение в работах: В.А. Алексеева, В.У. Гузуна, Ю.А. Дидатова, В.В. Качалова, А.В. Пушкина, А.А. Тер-Акопова, А.В. Ушакова и других.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является охрана общественных отношений от преступлений, совершаемых в соучастии, тенденции развития законодательства и практики его применения в отношении соучастников в преступлении.

Предметом исследования являются совокупность норм современного российского уголовного права о соучастии в преступлении; судебная практика по исследуемому вопросу, а так же теоретические воззрения и научные разработки

Цель и задачи исследования. Целью исследования является комплексное уголовно-правовое исследование понятия и признаков соучастия, а так же анализ

некоторых проблем, возникающих в процессе определения признаков соучастия и квалификации преступлений, совершенных в соучастии.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих задач:

- 1) исследовать понятие соучастия.
- 2) провести анализ теории соучастия в уголовном праве.
- 3) проанализировать объективные и субъективные признаки соучастия.
- 4) провести анализ некоторых проблем определения признаков соучастия, а так же квалификации «неудавшегося» соучастия.

Методология исследования. Методологией исследования является использование общенаучных методов познания, прежде всего системного подхода к изучению явлений в их взаимодействии и взаимообусловленности, которые позволили автору раскрыть природу соучастия в преступлении и исследовать соучастие как феномен социального взаимодействия. Методикой исследования послужили частно-научные методы – логико-языковой, сравнительного правоведения, статистический, анализа документов.

Структура исследования. Настоящее исследование состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы.

1. СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

1.1 Понятия соучастия в уголовном праве России

Понятие соучастия было и остаётся одним из сложнейших в уголовном праве. В середине XIX в. известный русский юрист А. Жиряев писал, что «вопрос о стечении преступников, в противоположность стечению или совокупности преступлений, есть едва ли не самый спорный. Окончательное же решение всего этого вопроса, особенно в науке, мне кажется делом вовсе невозможным».

В свою очередь, крупнейший дореволюционный криминалист Н.С. Таганцев также заявил, что учение о соучастии в науке российского уголовного права находится в хаотическом состоянии [28, с.112].

Далеко не идеальное состояние теории соучастия и по сей день. И это все на фоне того факта, что каждое четвертое преступление в России совершается в соучастии (в том числе, в частности, такой формы последнего, как групповой характер вторжения). Следовательно, определение требуемого понятия важно не только с теоретической точки зрения, но и с практической точки зрения. Это позволяет ориентировать судебную-следственную практику в правильном направлении, помогает избежать ошибок, прежде всего, в квалификации преступления, и они занимают одно из главных мест, прежде всего в случаях хищения и посягательств на интересы личности.

Так, в уголовно-правовой теории констатируется, что по каждому третьему делу о преступлении, совершенном несколькими лицами, допускаются ошибки, повлекшие (либо способные повлечь) отмену или изменение судебного приговора [26,с.192].

В советском уголовном праве определение соучастия впервые было дано в ст. 21 Руководящих начал 1919 г., где говорилось: «За деяния, совершаемые сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники» [3].

В области уголовного права в этой связи ученые-правоведы отметили, что, во-первых, в этом определении соучастие было сведено к совершению преступления группой лиц, а, во-вторых, вне внимания субъективный аспект этого правового явления остался.

В ст. 15 Уголовного кодекса 1922 года был более широкий подход, который выражался в том, что это была не просто группа лиц, но, в общем, соучастие [4].

Эта линия была продолжена Уголовным кодексом 1926 года, ст. 17 из которых было сказано, что меры социальной защиты должны применяться как к лицам, совершившим преступление - исполнителям, так и их сообщникам - зачинщикам и сообщникам.

Легко видеть, что даже в этих нормативных актах часть объективных и всех субъективных признаков соучастия оставалась без внимания, и в связи с этим в теории уголовного права ряд ученых признал соучастие в неосторожном преступлении, В то же время большинство юристов были склонны к мнению, что соучастие должно быть признано только «преднамеренным участием двух или

более лиц в совершении умышленного преступления».

Серьезный прогресс был изложен в Основах уголовного законодательства в 1958 году, в ст. 17, который в сущности в первый раз привел к определению понятия соучастия: в соответствии с ним законодатель понимал преднамеренное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления [37, с.196]. Это определение было воспроизведено в ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР в 1960 году [36, с.575].

Как видим, закрепление нашли и такие объективные признаки соучастия, как совместность, совершение преступления, как минимум, двумя лицами, и субъективный признак «умышленного» совместного участия.

В Уголовном кодексе РФ 1996 г. [2] законодательная дефиниция полна как никогда: в ст. 32 наиболее широко (по сравнению с ранее действовавшими кодексами) представлены объективные и субъективные признаки означенного феномена – соучастия. Оно определяется как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления». Однако жаркие споры в теории уголовного права и на практике по-прежнему не утихают. Например, остаются серьёзные разногласия по поводу того, какова юридическая природа соучастия, приложима ли к нему акцессорная теория, то есть базируется ли она на фигуре исполнителя преступления, являющейся центральным звеном при посягательстве (а все остальные соучастники группируются вокруг него, выступая в роли помощников), или же все соучастники, несмотря на их различную роль, являются своеобразными исполнителями преступного деяния, или действительно ли неосторожное сопричинение – это не соучастие и не допущена ли законодателем ошибка в выделении нового субъективного признака (участие в совершении умышленного преступления) и т.д [25,с.287].

По нашему мнению, правовая природа может быть определена в уголовном законе правильно или неправильно, ошибочно, однако в качестве отправной точки при обсуждении проблемы должна быть законодательная дефиниция, поскольку она существует реально.

Таким образом, подводя итог, мы можем сформулировать следующее определение соучастия: соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

1.2 Теория соучастия и ее влияние на квалификацию преступлений

Квалификация деяний соучастников преступления осуществляется на основе нормативных и доктринальных правил квалификации, в основу которых положены элементы двух различных теорий – акцессорной теории соучастия и теории самостоятельной (личной) ответственности соучастников.

Сущность акцессорной теории соучастия (от лат. *accessorius* – дополнительный, добавочный) заключается в том, что организатор, подстрекатель и пособник признаются второстепенными соучастниками по отношению к исполнителю. Следовательно, уголовно-правовая оценка преступных деяний, совершенных

организатором, подстрекателем и пособником, во многом зависит от квалификации действий (бездействия) исполнителя (соисполнителей) преступления. Эта зависимость находит проявление в следующих правилах квалификации.

Деяния организатора, подстрекателя и пособника квалифицируются со ссылкой на ст. 33 УК РФ по той же статье Особенной части УК РФ, что и действия (бездействие) исполнителя. Исключение из этого правила допускается лишь в следующих случаях:

1) Если один из соучастников не достиг возраста, с которого наступает ответственность по статье Особенной части УК РФ, подлежащей применению к другим соучастникам, но может быть привлечен к ответственности по другой статье Особенной части УК РФ. Так, например, действия 15-летнего подростка, выступавшего пособником в посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа, будут квалифицированы по ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, тогда как взрослый исполнитель понесет ответственность по ст. 317 УК РФ;

2) Если исполнитель совершает деяние, признаки которого не охватываются (охватываются не в полном объеме) умыслом иных соучастников преступления.

Организатору, подстрекателю и пособнику вменяются квалифицирующие признаки, которые установлены в деянии исполнителя преступления (разумеется, при соблюдении принципа субъективного вменения, т. е. при условии, что они охватывались умыслом соучастников). В частности, применительно к уголовно-правовой оценке коррупционного подкупа, совершенного в соучастии, в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется, что «квалифицирующие признаки, характеризующие повышенную общественную опасность взяточничества или коммерческого подкупа (вымогательство, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, получение взятки в значительном, крупном или особо крупном размере и др.), следует учитывать при юридической оценке действий соучастников соответствующих преступлений, если эти обстоятельства охватывались их умыслом».

Показательным в этом отношении является следующий пример. Судом установлено, что Зязикова М. и Зязикова Л.Х. обратились к Евлоеву с просьбой совершить убийство Евлоева, с которым у них сложились неприязненные отношения. Все остальные действия, направленные на убийство потерпевшего, такие как определение времени, места, способа совершения убийства, а также непосредственное его исполнение были совершены Евлоевым. Данных о том, что Зязикова М. совершила какие-либо действия, направленные на организацию убийства, в материалах дела не имеется и в приговоре не приведено. Поскольку убийство потерпевшего было совершено Евлоевым общеопасным способом, путем взрыва гранаты, о чем была осведомлена Зязикова М., то ее действия подлежат переквалификации с ч. 3 ст. 33, ст. 105 ч. 2 п. «е» УК РФ на ч. 4 ст. 33, ст. 105 ч. 2 п. «е» УК РФ, как подстрекательство к убийству, совершенному общеопасным способом [43].

В приведенном примере суд вменил подстрекателю квалифицирующий признак «совершение убийства общеопасным способом», руководствуясь тем, что применение исполнителем этого способа убийства охватывалось умыслом подстрекателя (хотя в процессе склонения исполнителя к убийству подстрекатель не конкретизировал его способ; он был избран исполнителем самостоятельно).

В теории уголовного права не получил общепризнанного решения вопрос о том, может ли это общее правило применяться для вменения соучастникам квалифицирующих признаков, которые относятся к личности исполнителя [23, с. 15-16]. Позиция высшей судебной инстанции по этому вопросу также весьма противоречива, что наглядно проявилось в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (которое ныне утратило силу). С одной стороны, в п. 17 этого Постановления разъяснялось, что «в случае получения взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, организатор, подстрекатель и пособник как соучастники этого преступления несут ответственность по статье 33 УК РФ и части третьей статьи 290 УК РФ» (напомним, что соответствующий квалифицирующий признак был предусмотрен тогда в ч. 3 ст. 290 УК РФ). С другой стороны, в п. 18 Постановления особо оговаривалось, что «при квалификации действий соучастников преступления не должны приниматься во внимание такие обстоятельства, которые характеризуют личность других участников деяния». Ныне действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснений по этому поводу вообще не содержит.

Представляется, что при решении рассматриваемого вопроса следует взять за основу предписания ч. 4 ст. 34 УК РФ. В соответствии с ними лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. Нетрудно заметить, что законодатель не только допускает, но и императивно предписывает учитывать уголовно-значимые личностные характеристики специального исполнителя при квалификации деяний иных соучастников. А значит, нет никаких препятствий и для того, чтобы вменять организатору, подстрекателю и пособнику квалифицирующие признаки, которые характеризуют личность исполнителя преступления (при условии, что эти признаки охватываются умыслом соучастников). Говоря иными словами, квалифицированный вид преступления, выделенный на основании личностного признака (например, рецидива, должностного положения), следует рассматривать как преступление со специальным субъектом (исполнителем), и применять для его квалификации предписания ч. 4 ст. 34 УК РФ.

Проецируя этот вывод в практическую плоскость, можно заключить, что

пособник, который оказывает содействие насильнику, имеющему судимость за преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, в совершении изнасилования малолетней, должен нести ответственность по ч. 5 ст. 33, ч. 5 ст. 131 УК РФ, если он знает криминальную биографию педофила.

В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление (ч. 5 ст. 34 УК РФ). Разумеется, в этом случае при квалификации делается ссылка не только на ч. 1 или 3 ст. 30, но и на ст. 33 УК РФ, что позволяет отразить конкретную роль соучастника в совершении неоконченного преступления.

К сожалению, ни в уголовном законе, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации не конкретизируется формула квалификации деяний соучастников неоконченного преступления, что порождает противоречивость правоприменительной практики, причем даже на уровне высшей судебной инстанции.

Так, например, в Определении № 46–004–85сп Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, сославшись на ч. 5 ст. 34 УК РФ, указала, что исполнителями было совершено покушение на грабеж, поэтому действия пособников – Трубникова, Троеглазова и Сивачева подлежат переквалификации со ст.ст. 33 ч. 5, 161 ч. 1 УК РФ на ст.ст. 30 ч. 3, 33 ч. 5, 161 ч. 1 УК РФ [44].

Обоснованно исправив ошибку суда нижестоящей инстанции, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации неверно изложила формулу квалификации действий пособников в покушении на грабеж. Судя по этой формуле, виновные осуждены за покушение на пособничество в грабеже, что не отражает сущности совершенных ими деяний (а точнее – искажает ее). Чтобы отразить ее верно, суду следовало вначале сделать ссылку на ч. 5 ст. 33 и лишь затем на ч. 3 ст. 30 УК РФ в сочетании со статьей Особенной части (в рассматриваемом случае – с ч. 1 ст. 161 УК РФ).

Примером правильной квалификации и точного процессуального отражения ее результатов может служить кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 83–005–5.

Поскольку Тупицын совершил покушение на умышленное уничтожение чужого имущества путем поджога, действия Пьянкова не могут квалифицироваться как подстрекательство к оконченному преступлению.

Преступление, за которое суд назначил Тупицыну наказание, квалифицировано по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ, следовательно, действия Пьянкова следует переквалифицировать с ч. 4 ст. 33, ч. 2 ст. 167 УК РФ на ч. 4 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ [45].

Таким образом, при уголовно-правовой оценке действий организатора, подстрекателя и пособника неоконченного преступления в формуле квалификации необходимо вначале путем ссылки на ст. 33 УК РФ показать роль конкретного соучастника, а лишь затем сослаться на ч. 1 или 3 ст. 30 и статью Особенной части УК РФ.

Следует подчеркнуть, что зависимость уголовно–правовой оценки деяний организатора, подстрекателя и пособника от квалификации действий (бездействия) исполнителя не является абсолютной, поскольку в действующем уголовном законодательстве получили отражение многие постулаты теории личной ответственности соучастников. Сущность этой теории удачно выражена в ч. 1 ст. 34 УК РФ – ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. При квалификации деяний соучастников преступления это принципиальное положение проявляется в следующем.

В соответствии с принципом субъективного вменения ответственность соучастников преступления ограничена содержанием их умысла. Это исключает возможность вменения соучастнику тех признаков состава преступления, которые не охватываются его умыслом. Это обстоятельство неоднократно обращало внимание на высшую судебную инстанцию. Таким образом, в обзоре качества рассмотрения районными (военно-морскими) военными судами уголовных дел в первой инстанции подчеркивается, что «квалифицирующие признаки преступления могут быть вменены сообщникам только в том случае, если они имеют намерения в отношении этих знаков .

С. Восточный и Сибирский окружные военные суды С. и П. были признаны виновными в подстрекательстве к убийству путем найма группы лиц по предварительному сговору, а первая из них - и в пособничестве этому пению. Как установил суд, предприниматель П., желая избавиться от своего компаньона Б., попросил С. найти человека, который совершил бы убийство за вознаграждение. С. склонил своего знакомого Г. совершить убийство непосредственно за вознаграждение и дал ему фотографии Б., рассказал домашний адрес и место работы жертвы, бренд, номер и место для стоянки его машины. В свою очередь, Г. привлек к совершению преступления М., они вместе и убили Б.

Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, за исключением С. и П. от обвинения, квалифицирующий знак убийства, совершенного группой лиц по предварительному сговору, указала, что каждый из них подстрекает к убийству только одного человека (Р. - S. и S. - G.), а в случае нет доказательств, что они подстрекали, и S. и способствовали совершению убийства группой лиц по предварительному сговору [47].

В приведенном выше примере суд исключил из обвинения обвинительный критерий «совершения преступления группой лиц по предварительному соглашению», руководствуясь тем, что этот знак не был покрыт их намерением.

За излишества преступника, то есть совершение преступления, не предусмотренного намерениями других соучастников, организатор, подстрекатель и соучастник уголовной ответственности не подпадают (статья 36 Уголовного кодекса Российской Федерации). Судебная практика основана на том факте, что превышение исполнителя возможно в любой форме соучастия - совершение преступления группой лиц группой лиц по предварительному соглашению организованной группой, а также лицами которые являются участниками преступного сообщества (преступной организации). Ответственность за эксцессы

исполнителя несет сам исполнитель, другие соучастники преступления несут ответственность только за акт, который был покрыт их намерением.

В случае эксцессов преступник может выйти за рамки согласованного уголовного нападения, совершив однообразное преступление с плановым (например, кража - это грабеж, грабеж, а не грабеж). При таком превышении другие соучастники несут ответственность за преступление, которое было охвачено их намерением [51].

Военный суд Уральского округа по делу К. и др. М. был осужден вместе с другим преступлением в соответствии с частью 5 ст. 33, п. «В», часть 3 ст. 161 Уголовного кодекса. Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, изменив приговор М., указала следующее. Обстоятельства хищения, установленные судом по делу, свидетельствуют о том, что М., предоставив виновным в совершении преступления ключи от входных дверей квартиры, знал только о цели тайного кражи чужого имущества на большом масштаб . Совершенные К., И., Т. и Б. Действия по ограблению квартиры были избытком исполнителей. В таких обстоятельствах акт М. не может квалифицироваться как пособничество в ограблении чужого имущества в больших масштабах. М. должен нести ответственность только за акт, охваченный ее сознанием [48].

Освобождение от уголовной ответственности исполнителя преступления не оказывает влияния на квалификацию деяний иных соучастников. В п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» разъясняется, что «освобождение лица от уголовной ответственности, в том числе в случаях, специально предусмотренных примечаниями к соответствующим статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, не означает отсутствие в деянии состава преступления, поэтому прекращение уголовного дела и (или) уголовного преследования в таких случаях не влечет за собой реабилитацию лица, совершившего преступление». Фактическим основанием освобождения исполнителя преступления от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (в том числе и его специальными видами), примирением с потерпевшим и т. п. является его (исполнителя) позитивная посткриминальная деятельность, которая никак не может исключить уже имеющиеся признаки состава преступления. Причем эта посткриминальная деятельность исполнителя имеет индивидуальный характер (является с повинной, возмещает вред, примиряется с потерпевшим лично исполнитель, а не иные соучастники), поэтому ее уголовно-правовые последствия (освобождение от уголовной ответственности) на организатора, подстрекателя, пособника не распространяются.

Следовательно, в случае освобождения исполнителя от уголовной ответственности, деяния иных соучастников преступления должны быть квалифицированы по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за совершенное исполнителем преступление, со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Разумеется, подобная квалификация не исключает возможности последующего освобождения организатора, подстрекателя, пособника от

уголовной ответственности при соблюдении соответствующих условий.

Это правило не распространяется на ситуации, в которых лицо, непосредственно выполняющее объективную сторону преступления при организаторском, подстрекательском или пособническом содействии других лиц, добровольно и окончательно отказалось от доведения преступления до конца. Во-первых, в деянии лица, добровольно отказавшегося от доведения преступления до конца, нет состава преступления – «состава оконченного преступления нет в силу того, что действия не доведены до конца (т. е. не содержат всех признаков состава преступления, предусмотренного в статьях Особенной части), а состава неоконченного преступления нет потому, что эти действия прекращены по обстоятельствам, зависящим от субъекта» [39,с.228]. А поскольку деяние, совершенное до добровольного отказа, не содержит признаков состава преступления, различные формы содействия этому деянию (склонение к совершению преступления, его организацию и т. п.) следует расценивать в качестве неудавшегося соучастия (нет исполнителя – нет и соучастия) в преступлении и квалифицировать их как приготовление к соответствующему преступлению.

Во-вторых, даже если взять за основу довольно спорное мнение о том, что уголовно-правовым последствием добровольного отказа является освобождение от уголовной ответственности [14,с.42-43], квалификация деяний иных лиц в качестве соучастия в преступлении все равно невозможна. Вменить в этом случае соучастие в приготовлении к преступлению или покушении на него нельзя, так как совершенное до добровольного отказа деяние не обладает ключевым признаком неоконченного преступления – незавершенностью по независящим от лица обстоятельствам. Квалифицировать содеянное как соучастие в оконченном преступлении также не представляется возможным, так как фактически деяние не завершено. Не остается ничего иного, как применить норму об ответственности за приготовление к преступлению.

Такой подход прослеживается и в судебной практике. В Определении № 8–АПУ 13–13 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее. Судом установлено, что Луговцов предложил Дзявронику убить спящего в состоянии тяжелого алкогольного опьянения Г. путем его сожжения. Между тем Дзявроник, согласившись на убийство Г., после того как поджег матрац под спящим потерпевшим, добровольно отказался от доведения убийства Г. до конца: вернулся в комнату и разбудил потерпевшего. Таким образом, Луговцову, по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить Дзявроника к совершению преступления. В соответствии с положением, предусмотренным ч. 5 ст. 34 УК РФ, за приготовление к преступлению несет уголовную ответственность лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления (так называемое неудавшееся соучастие) [46].

2. ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

2.1 Объективные признаки

Согласно статье 32 Уголовного кодекса Российской Федерации соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

В свою очередь соучастие имеет несколько различных форм, уровень опасности которых разнится в зависимости от сложности организации внутри преступного объединения.

Для борьбы с подобными объединениями в первую очередь необходимо понять, как отличить просто совершение преступления от совершения его в составе группы. Для этих целей в науке уголовного права принято выделять субъективные и объективные признаки преступлений совершенных в соучастии. В данном параграфе мы рассмотрим последние из них.

Разные ученые в своих работах по-разному описывают объективные отличия соучастия, однако все они сходятся во мнении, что к таким признакам следует относить.

1. Совместность различных деяний, под которыми понимается качественное отличие соучастия;
2. Соучастие в различных преступлениях двух или более лиц, под которым понимается количественное отличие.

Одним из наиболее сложных оценочных показателей соучастия в преступлении, содержащимся в концепции соучастия, является совместимость участия в совершении преступления. Этот признак следует признать оценкой, но, несмотря на то, что он закреплен в концепции соучастия, его содержание в самом законе не раскрывается.

Совместное участие является важным признаком соучастия в совершении преступления. Он предусматривает не только формальное определение совершения преступления несколькими лицами, но также и то, как эти люди действуют при совершении общественно опасного деяния и как они взаимодействуют друг с другом.

Теория уголовного права и правоприменительная практика еще не разработали единого содержания совместимости деятельности и ее критериев. Следует отметить, что у ученых нет единого мнения относительно определения юридического характера этой функции, в частности, ссылки на объективные или субъективные признаки соучастия.

Большинство экспертов считают совместимость участия, как объективную особенность, из-за того, что она проявляется в объективной реальности и связана с объективными процессами совершения преступления [15,с.62]. Однако, существует мнение, что совместность представляет собой объективно-субъективный признак соучастия.

Так, Ф.Г. Бурчак считал, что «совместность – это момент не только или, вернее не столько объективный, сколько субъективный» [8,с.39].

Совместность, в качестве объективного и субъективного признака соучастия, рассматривает также Ю.А. Красиков. Он считает, что совместность материализуется в общем последствии, причинной связи между действиями каждого соучастника и наступившим последствием, а также в создании условий для совершения действий другими соучастниками [30,с.256].

В уголовном праве объективное и субъективное неразрывно связаны. Отдельное рассмотрение объективных и субъективных признаков того или иного явления необходимо, чтобы более подробно было бы рассмотреть тот или иной феномен (институт) уголовного права и правильно применять его на практике. Понятно, что преступление, совершенное в соучастии, является объективным по своему характеру, поскольку участники не вызывают каких-либо особых оснований для ответственности, что вызывает наличие общих признаков объективной стороны преступления. Уголовное поведение человека имеет свое проявление и в сознании виновных. Таким образом, это вина, мотив и цели, которые позволяют точно определять формы преступного поведения человека, а также способствовать надлежащей квалификации преступления, совершенного в соучастии. Это исследование не направлено на установление границ между объективными и субъективными, однако можно предположить, что совместное участие является объективной особенностью.

Учитывая совместимость, как признак оценки соучастия в совершении преступления, следует отметить, что он не только недостаточно исследован, но и спорен в уголовном праве. Это обстоятельство подтверждается тем фактом, что ученые по-разному определяют его и дают другую уголовно-правовую оценку его компонентов.

Одно из наиболее узких определений данного признака было дано П.И. Гришаевым и Г.А. Кригером. По их мнению, совместность – это есть совершение одного и того же преступления сообща [11,с.17]. Таким образом, ученые сводили совместность участия к совершению одного и того же преступления несколькими лицами, главное - предварительное согласие. Однако соучастие также возможно в преступлениях, когда нет соглашения между сообщниками до начала уголовного нападения (например, группы лиц), в то время как в их деятельности также присутствует совместность. Вероятно, это мнение было вызвано недостаточно развитым характером института соучастия в то время.

В некоторых учебниках по уголовному праву ученые определяют признак совместности в соучастии, как деятельность, которая направлена на совершение одного и того же преступления [32,с.255]. В этом определении совместность характеризуется поведением соучастников преступления (деятельности), в то время как основной момент состоит в том, что деятельность отдельных людей объединяется, а люди совершают одно и то же преступление вместе, что отражает содержание этого явления.

Подкрепление, как признак соучастия в преступлении, должно рассматриваться в связи с особенностями структуры преступления, которое совершают исполнители. Преступления, в соответствии с дизайном традиционной композиции, делятся на формальные, материальные и усеченные [9,с.100].

Первым типом преступлений являются формальные составы, которые, как считается, закончились с момента совершения деяния, указанного в статье Особенной части Уголовного кодекса. Материальные составы преступлений считаются завершенными после преступления, предусмотренного в статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Объективная сторона формального состава преступления состоит в совершении общественно опасного деяния, а материальное - совершение общественно опасного деяния, наступление преступных последствий и причинно-следственная связь между совершенным актом и последствиями уголовного преступления.

Исходя из положения о том, что для применения уголовной ответственности за совершенное преступление в формальном составе достаточно совершить общественно опасный акт, то совместность, как признак соучастия в совершении преступления, проявляется в сочетании усилий соучастников осуществления этого акта. Наступление последствий выходит за рамки преступления и, следовательно, создание единого криминального результата для сообщников преступления и тем более причинно-следственная связь между действием и последствиями нецелесообразно, такие же последствия могут не произойти в результате совершения акта.

Л.Д. Ермакова, характеризуя конкретную деятельность каждого из соучастников, приходит к выводу, что они дополняют друг друга, при этом действия каждого являются составной частью общей преступной деятельности. Первой разновидностью совместности преступной деятельности в соучастии, она характеризует как взаимодействие [40,с.49]. Взаимодействие - это совместность действий, их взаимосвязь, физическое общение участников процесса совершения преступления. При определении взаимной обусловленности действий соучастников в преступлении термин взаимодействие более уместен. Взаимодействие возможно, когда человек выполняет организационные, воспалительные или пособнические действия. Таким образом, вклад каждого из сообщников может быть различным и отличаться характером поведения, совершаемого сообщником.

Каждый из сообщников преступления при взаимодействии не просто выполняет какие-либо действия (бездействует), но также каким-то образом влияет на ситуацию, когда другой человек, используя поведение первого, совершает общественно опасный акт. Поведение каждого из сообщников представляет собой одну из звеньев в цепочке, совокупность которой позволяет объединить все звенья - совершить общий преступный акт.

В материальном корпусе преступления суставы должны проявляться не только в сочетании усилий по осуществлению общественно опасного деяния, но и в достижении общего уголовного преступления для всех соучастников преступления и наличия причинно-следственной связи между актом (объединение усилия) и преступные последствия. Эта ситуация обусловлена тем, что для преследования общественно опасного деяния необходимо создать общественно опасный акт, который бы содержал все признаки преступления, что также необходимо в соучастии. Однако, если при установлении взаимодействия соучастников в

преступлении их действия могут различаться по характеру проводимого поведения (помощь, склонение или прямое выполнение части объективной стороны), последствия, которые вытекают из результата совершения общественно опасного деяния всегда должны быть одинаковыми, точно уточнены в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Единство криминальных последствий для сообщников вытекает из факта совместной деятельности, когда они взаимодействуют, хотя с учетом различных действий. Уголовные последствия - одно из причин причинения вреда общественным отношениям любого вреда совместной деятельности соучастников в совершении преступления.

По мнению некоторых ученых, второй признак совместности в соучастии указывает не на единые преступные последствия, а на единый для всех соучастников преступления результат [16,с.39]. Такое мнение представляется спорным.

Во-первых, результат преступления может быть иным, и он может не совпадать с последствиями, указанными в нормах уголовного права. Так, например, если соучастники преступления стремятся получить человеческие органы и продать их, но только убивают человека, прежде, чем они достигнут того, к чему стремились, последствия уже наступили и одинаковы для всех.

Во-вторых, сам результат, к которому стремятся соучастники преступления, может быть иным для соучастников самого преступления. Итак, заказчик убийства преследует результат - получить наследство наследодателя, а убийца - получить плату за свои действия. Криминальные последствия, вытекающие из их действий, едины.

Некоторые ученые пытаются сузить соучастие не рамками единых для соучастников преступных последствий, а единым объектом преступного посягательства [34,с.251]. Это мнение вызвало справедливую критику со стороны специалистов уголовного права [19,с.390].

В науке существует мнение, что в соучастии есть не только совместное преступное последствие для всех сообщников, но и фокусировка их действий на одном объекте преступного посягательства. Эта точка зрения кажется вполне оправданной. Действия соучастников преступления квалифицируются в соответствии с той же статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, что и действия лица, совершившего преступление, только в некоторых случаях дополнительную ссылку на ст. 33 Уголовного кодекса. Если действия соучастников направлены на причинение вреда различным объектам преступления, то это должно рассматриваться как превышение исполнителя, что соучастие не признается. Ответственность несет только лицо, совершившее преступление, не соответствующее другим соучастникам.

Таким образом, важным признаком согласованности является наличие общего для всех сообщников преступных последствий, без которых соучастие в совершении преступления невозможно в материальных элементах преступления. Если в обстоятельствах, не зависящих от сообщников, нет никакого криминального результата, тогда они несут ответственность за подготовку или попытку совершения преступления.

Последним и одним из самых сложных показателей согласованности в материальном составе преступления является наличие причинно-следственной связи между действиями каждого из сообщников в преступлении и началом для них унифицированных уголовных последствий. Это связано с тем, что причинность является философской категорией. Призыв к причинности необходим, поскольку в объективной реальности ничто не может возникнуть из ничего или войти в ничто. В объективной реальности существует универсальное взаимодействие, признание существования которого означает, что любая вещь или явление, так или иначе, прямо или косвенно воздействуют на других и, в свою очередь, прямо или косвенно затрагиваются, обусловленные этими другими вещами или явлениями.

Причинная коммуникация является необходимым условием привлечения к уголовной ответственности в материальных элементах преступления. Установление причинно-следственной связи между действиями человека и последствиями уголовного преступления является важным фактором в объяснении происхождения одного явления (криминальных последствий) от другого (общественно опасного деяния человека). Каузальная связь устанавливается только в том случае, если есть начальный и последний момент, между которым установлено это соединение.

Таким образом, совместимость является важным признаком соучастия в преступлении, которое нуждается в серьезном размышлении.

Теперь обратимся к более пристальному изучению количественного признака. Согласно точке зрения большинства учёных уголовного права, в том числе профессора В.С. Прохорова о том, что «два или более лица» по смыслу закона – это лица, каждое из которых является субъектом преступления и, следовательно, было способно в момент совершения преступления нести уголовную ответственность: достигнуть установленного в законе возраста (ч. 1 ст. 20 УК РФ) и быть вменяемым (ст. 21 УК РФ) [33,с.570-571].

Стоит заметить, что согласно части 2 статьи 33 УК РФ, сознательное использование лица, не достигшего возраста уголовной ответственности или невменяемого, лицом, указанными свойствами обладающим, образует посредственное исполнение, где последний единолично совершает преступление, а первый – орудие в его руках. Если соучастник не был осведомлен о действительном возрасте подростка или невменяемости лица, он подлежит ответственности за покушение на соответствующее преступление – например, на кражу, – совершенное группой лиц.

В судебной практике складывается следующая ситуация по этому вопросу [20,с.59]. Так, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [41] указано, что в случае совершения преступления несовершеннолетним, не подлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу части 2 статьи 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения. В п. 12

Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 [42] закреплено, что такие деяния следует квалифицировать как совершенные непосредственным исполнителем преступления.

Таким образом, позиция Пленума Верховного Суда РФ по данному вопросу такова, что посредственное причинение не образует соучастия. Эта позиция тождественна доктринальной.

Несмотря на указанное единообразие в понимании закона, существует другая точка зрения, которая сводится к тому, что соучастие в преступлении образуется при участии в нём «двух и более лиц», не обязательно являющихся субъектами уголовного права.

Так, например, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении по делу П. установил, что «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них, и независимо от того, что некоторые из участников преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости» [52].

В данном случае описывается убийство П. потерпевшего, которое было совершено совместно с Б. (признанным невменяемым). При этом Прокопьев удерживал потерпевшего за руки, а Богомоллов по предложению последнего наносил потерпевшему удары ножом.

Действия П. квалифицированы судом по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное группой лиц. Однако в данном деянии не усматривается наличие группы лиц, в связи с тем, что «использование годным (в смысле уголовной ответственности) субъектом невменяемого или несовершеннолетнего, не достигшего возраста уголовной ответственности, не образует соучастия» [22, с. 288].

Стоит заметить, что в надзорном представлении по указанному делу заместитель Генерального прокурора РФ указал на необходимость переквалификации действий виновного с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ, мотивируя свое решение тем, что органы следствия и суд, квалифицируя действия как совершение убийства группой лиц, не учли, что преступление П. совершил совместно с лицом, которое признано невменяемым в отношении к инкриминированному ему деянию. Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил надзорное представление без удовлетворения.

На наш взгляд, решение суда противоречит правовой природе института соучастия в отечественном уголовном праве. Верная позиция по данному делу содержится в надзорном представлении заместителя Генерального прокурора РФ.

Совместность преступных действий, как правило, свидетельствует о более высокой общественной опасности содеянного, поэтому в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 63 УК отягчающим обстоятельством при назначении наказания признается совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному

сговору, организованной группы или преступного сообщества (преступной организации).

Более того, в УК РФ предусматриваются составы преступлений, в которых совершение преступления в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору или организованной группы признаётся в качестве квалифицирующих признаков (п. «ж» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 3 ст. 111 и др.), а совершение преступления организованной группой либо преступным сообществом (преступной организацией) – в качестве особо квалифицирующего признака (п. «а» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 и др.).

Следовательно, установление факта соучастия является важным обстоятельством в правоприменительной деятельности, так как учитывается не только при индивидуализации наказания, но и при квалификации содеянного, поэтому ошибка при толковании нормы статьи 32 УК РФ недопустима.

Таким образом, законодатель, соблюдая правовые традиции преемственности юридических конструкций, сохранил определение понятия «соучастия в преступлении» с небольшими, но важными изменениями, которые не решили всех существующих проблем. Количественный признак соучастия в преступлении закреплён законодательно таким образом, что возможно двойственное толкование (это подтверждается судебной практикой, приведённой в данной работе), а это недопустимо для уголовного закона. Толкование количественного признака соучастия в преступлении имеет важное значение для индивидуализации наказания, а также при квалификации содеянного.

Далее. Объективная сторона является главным отличительным признаком общественно–опасного и уголовно наказуемого деяния, предающая ему индивидуальность и позволяющая отграничить это преступления от других.

Деяние одного из совместно участвующих в совершении преступления создают условия для деяния другого соучастника. Это означает, что соучастие, исходя из законодательного понимания, представляет собой совместное участие в преступлении лиц, при котором их деятельность является взаимосвязанной, то есть способствует совершению преступления.

Наступившее криминальное последствие является единым результатом совместных усилий всех соучастников. В свою очередь криминальное последствие представляет собой вред (ущерб), который причиняется или может быть причинен объектам уголовно–правовой охраны в результате совершения лицом, а в данном случае лицами общественно–опасного деяния.

Последствия могут быть двух видов:

1. Материальные, которые подразделяются на:

1) Имущественный вред, который является характерным отличием преступлений против собственности и преступлений в сфере экономической деятельности.

2) Физический вред, который причиняется в преступлениях против личности.

2. Нематериальные, которые подразумевают под собой причинение морального вреда (физические или нравственные страдания испытываемые лицом при нарушении его личных неимущественных прав или иных нематериальных благ),

ущемление чести и достоинства личности, а также к нематериальным последствиям относят организационный вред, то есть нарушение нормальной деятельности учреждений и организаций, подрыв общественной безопасности и общественного порядка.

Под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Под общественным порядком следует понимать систему общественных отношений обеспечивающих общественное спокойствие, нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, работы предприятий, учреждений и организаций.

Между наступившими криминальными последствиями и совместными усилиями всех участников организованного преступного объединения преступления должна быть причинная связь.

Указанные последние два отличия в отличие от первых двух (выполнения каждым из соучастников объективной стороны одного и того же преступления и взаимной деятельности соучастников), относятся не ко всем видам криминальных деяний, а только к преступлениям с материальным составом. Материальный состав характеризуется наличием трех отличий объективной стороны, которые для данных уголовно–наказуемых действий (бездействий) являются обязательными.

К таким отличиям относится общественно–опасное деяние, которое всегда указывается в диспозиции статьи особенной части УК РФ, общественно–опасное последствие и прямая причинно–следственная связь, то есть преступление считается оконченным при совершении общественно–опасного деяния, наступлении общественно–опасных последствий и причинно–следственной связи между деяниями и последствиями. Примером преступления с материальным составом является, скажем, убийство.

Причинная связь, как мы уже обозначали выше, – это связь между общественно опасным деянием и наступившими общественно–опасными последствиями. Сама по себе указанная связь является факультативным отличием объективной стороны состава преступления, но применительно к материальным составам причинная связь выполняет роль обязательного признака. Установление такой связи является необходимым условием для привлечения лица к уголовной ответственности.

Для определения факта наличия причинной связи необходимо установить, такие ее условия как,

1. Общественно–опасное деяние по времени всегда должно предшествовать общественно–опасным последствиям, то есть, например, смерть лица наступает после.
2. Явление, которое рассматривается в качестве причины деяния должно быть необходимым условием наступления общественно–опасного последствия.
3. Общественно–опасное деяние закономерно с внутренней необходимостью должно вызывать наступление общественно–опасного последствия или создавать реальную (объективно существующую) опасность наступления таких последствий

в данной конкретной обстановке. Это означает, что одно и то же общественно-опасное деяние, совершенное в тождественных условиях, неизбежно будет порождать одни и те же общественно-опасные последствия.

Количественное отличие означает, что каждое лицо, участвующее в совместном совершении преступления, является физическим лицом, достигшим к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности и не страдает от тяжелых форм психических расстройств.

Таким образом, наличие одновременно качественных и количественных отличий соучастия является необходимым условием для признания преступления совершенным в составе группы. При отсутствии хотя бы одного из основных признаков объективной стороны соучастия невозможно говорить и о наличии самого соучастия.

2.2 Субъективные признаки

Вопрос о соучастии стоит формулировать тогда, когда наступления криминальных последствий желает более одного человека, вне зависимости от характера их связи [5,с.16].

Совместные усилия группы людей, имеющие криминальный характер, представляют собой более значимую угрозу для общества и подлежат соответствующему наказанию, так как способны нанести увеличенный размер вреда и ущерба. Объединяясь общей целью криминальные субъекты противопоставляют себя обществу в стремлении к достижению общей противоправной цели в силу одинаковых или различных мотивов.

Нацеленность на единый результат превращает людей, которые осведомлены о потенциальном наступлении нежелательных для всего общества в целом и/или избранных его членов последствий, в соучастников, вне зависимости от желаний и стремлений каждого из них.

Под совместным участием подразумеваются действия двух и большего числа людей, имеющих цель претворения в жизнь преступного умысла и реализующих разнообразные взаимозависимые поступки [38,с.30]. Своеобразие подобных преступных действий состоит в необходимости разграничения степени причастности каждого лица, исходя из вклада в достижение общей цели, определения индивидуальной меры ответственности и достаточного корректирующего воздействия, воплощающихся в наказании.

Распределение обязанностей между сообщниками достаточно сложно выявить, так как, зачастую, исключительным способом получения данных об этом являются высказывания соучастников, способных оклеветать друг друга, введя следствие в заблуждение. При отсутствии реальной методики определить степень участия каждого мера ответственности выбирается, таким образом, как если бы каждый был единоличным исполнителем криминального замысла.

В теории уголовного права принято выделять два объективных признака и два субъективных признака соучастия. К субъективным, то есть несущим личностный оттенок, признакам относятся.

1. Информированность участников о существовании друг друга и совместных действий по воплощению преступного умысла, нацеленного на результат, так как тайная помощь и поддержка, когда лишь один из субъектов осведомлен о существовании поделщика, не является соучастием.

2. Единство умысла, вне зависимости от мотивов его претворения в жизнь, которые могут носить личностный оттенок, например, ограбление банка для одного может быть средством мести владельцу, второй делает это для обогащения, а третий хочет изъять порочащий его компромат [18,с.325].

Данные признаки можно объединить одним понятием «сговор». Юридический словарь раскрывает термин «сговор», определяя, что это предварительная, предшествующая совершению каких-либо действий, не оглашаемая договоренность нескольких участников таких действий действовать определенным образом в собственных интересах и в ущерб интересам других субъектов. Сговор носит противоправный, противозаконный характер и ущемляет интересы государства либо третьей стороны.

Сговор на совершение преступления, который преодолев этап приготовления, начинает реализовываться в действиях по непосредственному выполнению объективной стороны преступления, согласно положениям действующего российского законодательства, получает оценку в рамках института соучастия.

Сразу необходимо оговорить, что сговор являет собой элемент этого института, один из признаков, компонентов соучастия, но он не может быть позиционирован как обособленная, относительно самостоятельная часть или форма соучастия. В этом отношении надо критически оценить высказанное в науке предложение о расширении самого понятия соучастия за счет сговора. Его автор, Е.В. Епифанова, пишет: «Должна быть изменена редакция статьи 32 УК РФ. Ее необходимо, сформулировать следующим образом: «Соучастием в преступлении признается сговор, а равно умышленное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» [13,с.19]. В данном случае одним понятием охватываются два принципиально различных феномена: сговор, при котором, очевидно, еще нет исполнения и исполнителя преступления, и участие лиц в совершении преступления; в современной трактовке – приготовление и соучастие. Такое расширение института соучастия фактически лишает его теоретической основы в виде акцессорного учения, создает соучастие в отсутствие исполнителя и объективной стороны преступления, позволяет привлекать к ответственности за сговор в самых разных по тяжести преступлениях, что, вне сомнений, служит расширению оснований уголовной ответственности и сферы применения уголовной репрессии, обоснованных доказательств необходимости которой, в работе Е.В. Епифановой не представлено.

Итак, сговор – это одна из характеристик соучастия. С точки зрения языкового выражения он присутствует при описании только одной формы соучастия – «группы лиц по предварительному сговору». На этом основании нельзя, разумеется, утверждать, что он исключен в иных формах. Сговор, вне сомнений, присутствует в организованных группах, в сложном соучастии с распределением ролей. Стоит обратить внимание, что в науке была четко высказана мысль о том,

что совместность, будучи основным, краеугольным признаком соучастия, как раз и предполагает сговор, который выступает таким образом, неизменным атрибутом любой формы соучастия [15,с.47]. Поддерживая ее, важно подчеркнуть, что ч. 1 ст. 35 УК РФ, раскрывая признаки такой формы соучастия, как «группа лиц», утверждает не об отсутствии сговора вообще. В ней указывается на отсутствие «предварительного сговора». Акцент, на наш взгляд, надо делать на слове «предварительный». Сам по себе сговор (не предварительный, состоявшийся в процессе выполнения объективной стороны преступления) в данном случае не только не исключен, но и предполагается. Сговор, выраженный в любой форме (в том числе, в форме конклюдентных действий, жестов), обеспечивает согласование и координацию действий субъектов, гарантирует наличие между ними субъективной связи, соединяет их усилия, направляет их на достижение общей цели. Иными словами, сговор гарантирует совместность действий нескольких лиц, а это, как известно, один из необходимых признаков соучастия.

Согласованность и совместность немыслима без сговора, но они не предполагают с необходимостью, что им должен предшествовать предварительный сговор. На это обстоятельство обращал внимание Верховный Суд РФ в Обзоре надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам за 2015 год: «сама по себе согласованность действий обвиняемых не может служить достаточным основанием для признания преступления совершенным по предварительному сговору» [35,с.110].

Предварительный сговор всегда предполагает согласованность, но согласованность возможна и вне предварительного сговора. В противном случае появляются аргументы в пользу предложения С.В. Афиногенова об исключении ситуации совершения преступления группой лиц без предварительного сговора из института соучастия и квалификации содеянного несколькими лицами как единолично совершенного каждым из них [6,с.10]. Обоснованная критика этой позиции представлена в литературе А.П. Козловым. Вместе с тем, сам автор, по нашему убеждению, также допускает ошибку, когда предлагает дифференцировать группу лиц без предварительного сговора на две разновидности:

1. Групповое объединение, при котором отсутствует внешне выраженное соглашение, а согласованность действий достигается путем совершения действий, адекватных ситуации.
2. Групповое объединение, в котором соглашение внешне выражено и осуществляется на стадии исполнения преступления [17,с.234].

Дело в том, что в описании первой из выделенных групп А.П. Козловым заложено некоторое логическое противоречие: с одной стороны, он утверждает о существовании «объединения лиц», что с необходимостью означает наличие между ними субъективной связи, но с другой стороны, говорит о том, что согласованность их действий не имеет субъективной составляющей, поскольку объективно каждый из них действует адекватно ситуации. Но хорошо известно, что действия нескольких лиц, совершенные в одном месте и объективно направленные на причинение вреда одному объекту, без субъективной связи между соучастниками не создают соучастия (классическая «учебная» ситуация – хищение

продуктов из железнодорожного состава жителями поселка возле станции). Как бы не были действия субъектов адекватными ситуации, если они согласованы и причем согласованы настолько, что возникает необходимость для их оценки привлечь институт соучастия, субъекты эти должны вступить в контакт друг с другом. А это, вне зависимости от способа коммуникации, предполагает сговор.

Сговор является обязательным элементом, характеризующим совместность действий соучастников. Совместность же, по согласованному мнению большинства отечественных специалистов, составляет объективно-субъективный признак соучастия. В этой связи возникает вопрос: характеризует ли сговор только субъективную сторону совместности или же и объективную сторону тоже.

В литературе этот вопрос практически не обсуждается. Один из немногих, кто обратил на него внимание, – Р.Р. Галиакбаров. Автор совершенно верно пишет, что в процессе квалификации преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, требуется установить, что сговор касается основных юридически значимых признаков замышляемого преступления. И далее замечает: «соглашение об этих элементах преступления образует субъективную сторону ... любого преступления, совершаемого по предварительному сговору группой лиц, если таковой признак прямо предусмотрен уголовным законом» [10, с. 70].

Анализ практики показывает, что суды в большей степени склонны рассматривать сговор на совершение преступления как субъективный признак в структуре института соучастия. Это в известной степени влечет за собой весьма специфический подход в составлении процессуальных документов, граничащий в ряде случаев с нарушением принципиальных положений уголовного права. Речь идет о том, что констатируя наличие сговора, правоприменитель в большинстве случаев не стремится к тому, чтобы раскрыть его содержание и привести доказательства существования самого сговора. Единственным доказательством признается сам факт последующей совместной деятельности.

Так, к примеру, Ленинский районный суд г. Челябинск, признавая ряд лиц виновными в совершении преступлений, связанных с оборотом наркотических средств, констатировал в приговоре, что «Алиев, Гусейнов, Абдуразаков и неустановленные лица при неустановленных обстоятельствах, месте и времени, но не позднее ноября 2014 года, вступили между собой в преступный сговор с целью получения материальных благ от реализации общего преступного умысла, направленного на совершение сбыта заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации» [49].

Однако из таких формулировок не усматривается, в чем собственно состоял сговор, в чем и как он был выражен, кто является субъектами этого сговора и т. д. Иными словами, объективные проявления самого сговора (тем более состоявшегося до начала непосредственного выполнения преступления) в документах не приводятся. Представляется, что это прямое следствие игнорирования наличия у сговора объективных характеристик.

В этой связи полагаем важным обратить внимание на то, что сговор должен иметь и субъективное содержание, и объективное выражение. В судебной практике такой подход реализуется в принципиально ином описании сговора в

процессуальных документах.

К примеру, развернутые формулировки приведены в приговоре Кузьминского районного Суда г. Москвы: Зейналова при неустановленных обстоятельствах, в неустановленное время и месте, имея умысел на получение незаконной прибыли от незаконной реализации наркотических средств вступила с неустановленным лицом в преступный сговор, направленный на незаконный сбыт наркотического средства. Согласно преступной договоренности и отведенным преступным ролям, она (Зейналова) и ее неустановленный следствием соучастник, имея корыстный мотив, разработали план совершения преступления и распределили роли в планировавшемся преступлении, согласно которым:

1) Неустановленный следствием соучастник должен был приискать лиц, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств, приобрести наркотическое средство, передать его Зейналовой, приискать каналы незаконного сбыта наркотического средства, по телефону принимать заказы от потенциальных клиентов на приобретение наркотического средства, сообщать им о местонахождении Зейналовой, производить Зейналовой выплату денежных средств по результатам незаконного сбыта наркотического средства.

2) Зейналова должна была незаконно хранить полученное от своего неустановленного предварительным следствием соучастника наркотическое средство с целью его дальнейшей реализации лицам, склонным к наркотизации, непосредственно сбывать им при личных встречах полученное наркотическое средство, передавать своему неустановленному предварительным следствием соучастнику вырученные денежные средства [50].

Здесь, как видим, суд уделяет достаточное внимание установлению всех участников сговора, месту и времени, где и когда он состоялся, содержанию сговора, форме его внешнего выражения. Представляется, что это абсолютно верный подход, в большей степени отвечающий требованиям принципа законности, подтверждающий тот факт, что сговор в институте соучастия обладает не только субъективным наполнением, но и внешним выражением. Такой подход требует определенных стандартов доказывания, установления конкретных действий соучастников, позволяющих установить наличие сговора, его содержание и иные значимые характеристики. При этом должно быть очевидным, что содержание сговора, время его достижения, внешнее выражение корреспондируют определенным формам соучастия. Здесь прослеживается вполне очевидная зависимость: чем значимей роль сговора в соучастии, тем более четко он выделяется среди общей массы совершенных действий, чем эта роль менее значима, тем менее заметно и внешнее проявление сговора. Однако в любом случае, когда возникает необходимость оценки соучастия, сговор субъектов должен быть зафиксирован как относительно самостоятельный его признак.

Обособление, описание и оценка сговора при соучастии необходимы для решения ряда задач, связанных с квалификацией преступлений и с оценкой степени их общественной опасности. В это связи стоит критически оценить представленное в литературе внутренне противоречивое и неверное по сути суждение о том, что «предварительный сговор, в первую очередь, характеризует

общественную опасность деяния и не имеет уголовно-правового значения ни для объективной, ни для субъективной стороны преступления, не говоря уже о таких признаках состава преступления, как объект и субъект преступления» [21,с.15] . Его автор, А.Н. Мондохонов, упускает из вида, что общественная опасность деяния «расположена» именно в рамках его объективных и субъективных признаков, выражена в них; и если сговор имеет значение для общественной опасности, значит, он нашел отражение в этих объективных и субъективных признаках. Более того, через анализ таких признаков только и можно установить сговор, а через оценку его содержания и особенностей – дать оценку (уголовно–правовую и общественно–политическую) всему совершенному деянию.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что степень вины и пропорционального ей наказания определяется для соучастников исходя из личностного вклада каждого и фактического задействования в объективной части преступления. Совместное участие в реализации преступления не позволяет выделять роли и ответственность наступает в равной мере для всех сообщников, если же исполнителями объективной части являются не все соучастники, то наказание определяется исходя из положения ст.33 УК РФ.

Если объективная часть замысла остается нереализованной, то все соучастники наказываются за подготовку к преступлению, а при её воплощении, но не нанесении вреда – за покушение на подходящее по составу преступление. Прекращение исполнителем по своей воле реализации надлежащей роли освобождает его от наказания, в отличие от соучастников, которые будут подвергнуты наказанию, согласно составу преступления.

Таким образом, хотя на протяжении многих лет в науке уголовного права институту соучастия в преступлении уделялось повышенное внимание, в настоящее время вопрос о его сущности нельзя назвать окончательно решенным.

3. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1 Проблемы установления признаков соучастия

Преступление, совершаемое при участии нескольких лиц, как известно, имеет серьезную общественную опасность, что может проявляться в применении наибольшей спланированности, организованности, жестокости, неоднократности и т.д., тем самым существенно отличая соучастное преступление от преступления, совершаемого преступником–одиночкой. Так, в 2017 году 98 153 преступления было совершено группой лиц, 80 335 преступлений – группой лиц по предварительному сговору, 13 232 – организованной группой или преступным сообществом, 45 288 преступлений было совершено в том числе при их соучастии. При этом показатель тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в соучастии, в указанный период превысил 100 тыс. Преступными сообществами или организованными группами совершено 12,9 тыс. тяжких и особо тяжких преступления (+6,5%). В общем числе расследованных преступлений данных категорий их удельный вес увеличился с 5,0% (в 2016 г.) до 5,8% [53].

В связи с этим институту соучастия законодателем отведено одно из центральных мест в структуре уголовного закона. Статья 32 УК РФ соучастие определяет, как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления».

Соучастие, будучи особой формой преступной деятельности, отличается содержанием объективных и субъективных признаков.

Объективные критерии соучастия определяются количественным и качественным признаками, общим преступным результатом, который стремятся достичь всех соучастники, а также наличием причинной связи между преступными деяниями всех участников преступления и наступившим преступным результатом. Два последних признака присущи преступлениям с материальными составами.

Исходя из количественного признака соучастия, обязательным условием применения уголовно–правовых норм о соучастии является участие в совершении преступного деяния двух и более лиц. Наиболее распространенными случаями является соучастие лишь нескольких человек, однако для определенных форм соучастия необходимо гораздо большее их количество, например, при соучастии в незаконном вооруженном формировании (ст. 208 УК РФ).

Основной спецификой соучастия является распределение между соучастниками преступных ролей. В данном аспекте проявляются преступные действия исполнителя, непосредственно выполняющего объективную сторону преступления, подстрекатель, организатор и пособник. Виды и формы соучастия следует рассматривать в комплексе, без отрыва друг от друга, поскольку преступные действия могут разных участников могут пересекаться, сочетаться в процессе совершения преступления. В частности, подстрекатель и организатор нередко совместно с другими соучастниками полностью либо в части исполняют

объективную сторону преступного деяния. При этом следует отметить, что определение конкретного вида и формы соучастия оказывает влияние при разрешении вопроса квалификации содеянного и, соответственно, индивидуализации ответственности каждого из участников.

При соучастии субъективная сторона каждого участника характеризуется умышленной виной. Содержание умысла обуславливается единством каждого участника в достижении изначально поставленных преступных целей. Осознание участниками общности целей, для достижения которых образуется соучастие, предопределяет наличие умысла у каждого из них. Общность вины в данном случае является связующим звеном участников преступления, именно она образует основу их взаимодействия в качестве объективного критерия совместности деяния. Отсутствие же общности вины препятствует возможности применения единой формы ответственности.

Вместе с тем, несмотря на внешнюю урегулированность вопросов квалификации и ответственности лиц, совершающих преступление в соучастии, некоторые его положения являются спорными как в теории уголовного права, так и в правоприменительной деятельности.

Так, одной из проблем определения признаков соучастия является элемент множественности участников совершенного посягательства. Действующее признаками субъекта, то есть является физическим лицом, достигшим возраста уголовной ответственности и является вменяемым (ст. 19 УК РФ).

Вместе с тем, достаточно распространены случаи преступных деяний, которые совершаются с участием лиц, которые не соответствуют законодательным признакам признания лица, подлежащим уголовной ответственности. В данном случае речь идет о ситуациях, когда к совершению преступления привлекается лицо (лица), в силу уголовного закона не подлежащее уголовной ответственности (несовершеннолетние, невменяемые). В частности, когда для исполнения объективной стороны состава преступления годный субъект использует лицо, не подлежащее уголовной ответственности. Аналогичная проблема существует также в случаях, когда объективная сторона преступления выполняется годным субъектом при непосредственном участии уголовно неответственного лица.

В первом случае подобные казусы расцениваются как посредственное совершение субъектом преступного деяния не зависимо от функций, выполняемых при совершении преступления. При этом по своим юридическим последствиям указанная форма совершения преступного деяния практически не выходит за пределы единоличного выполнения деяния. Законодательно это отражено в ч. 2 ст. 33 и в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Здесь также следует отметить позицию Пленума Верховного Суда РФ, который в своем постановлении от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» данного субъекта определяет в качестве «посредственного исполнителя» преступления, совершенного лицом, не подлежащим уголовной ответственности (п. 42 постановления). Пленумом разъяснено, что лицо, вовлекшее несовершеннолетнего, не подлежащего уголовной ответственности, в совершение

преступления, согласно положениям ч. 2 ст. 33 УК РФ, за содеянное привлекается к уголовной ответственности как исполнитель путем посредственного причинения.

Относительно второй ситуации однозначного решения до сих пор нет. Попытки разрешить данный вопрос, предпринимаемые в теории уголовного права, не разрешили этой проблемы. При этом, как отмечает Д.А. Безбородов, статистические данные исследований свидетельствуют о том, что такие деяния являются весьма распространены и имеют устойчивую тенденцию роста [7,с.21].

Таким образом, важным вопросом является наличие либо отсутствие признаков соучастия при квалификации преступления, совершённого с лицом, которое по уголовному закону уголовной ответственности не подлежит. На первый взгляд, ответ на данный вопрос является однозначным, при том отрицательным. Сторонники указанной позиции ссылаются, во-первых, на уголовно-правовой подход к понятию лица, обозначенный в ст. 19 УК РФ, а во-вторых, на существенный признак соучастия – совместный умысел, который может иметь место лишь при соблюдении первого правила. Следовательно, для квалификации действий по обозначенным признакам необходимо установить наличие двух или более лиц. В случае отсутствия таких лиц квалифицирующие признаки не могут быть вменены [12,с.12].

Существует и другой подход к рассматриваемой проблеме, в соответствии с которым действия лица, подлежащего уголовной ответственности, должны квалифицироваться как действия в составе, например, группы лиц по предварительному сговору вне зависимости от того, что остальные лица или лицо не будут привлечены к уголовной ответственности [27,с.165].

Вместе с тем, существует мнение о том, что квалифицирующий признак описывает объективную сторону или объект состава преступления, потому он указывает лишь на количественный показатель группы лиц. Соучастие же характеризует как количественные, так и качественные признаки деяния. Таким образом, для вменения рассматриваемых квалифицирующих признаков достаточно установления факта выполнения действий, составляющих объективную сторону преступления, несколькими лицами вне зависимости от того, могут ли они подлежать уголовной ответственности [31,с.299].

3.2 Проблемы квалификации неудавшегося соучастия

В ч. 1 ст. 29 УК РФ сказано: «Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Данное понятие уголовного закона относится и к преступлениям, совершенным в соучастии. Тем не менее у соучастия, как у более сложной и многогранной деятельности, существуют свои характерные особенности. Понятие «неудавшееся соучастие» в уголовном законодательстве Российской Федерации не закреплено, но в теории уголовного права по данному вопросу существует многообразие мнений. Так, В. Питецкий дает следующее определение: «Соучастие следует считать состоявшимся («удавшимся»), когда в результате умышленных совместных действий двух или

более лиц был причинен вред, как результат совершения умышленного преступления. Под «неудавшимся» соучастием в широком значении этого понятия следует понимать умышленную попытку совместными действиями двух или более лиц причинить преступный результат, однако последняя не увенчалась успехом по самым различным, но всегда по независящим от этих лиц (лица) обстоятельствам» [24,с.51]. П. Ф. Тельнов полагает: «Умышленные деяния, направленные к совместному совершению преступления, но не достигшие помимо воли виновного совместности действий, образуют неудавшееся соучастие» [29,с.185].

По мнению Ф. Г. Бурчака, «организационную деятельность, подстрекательство и пособничество называют неудавшимися в том случае, когда они остались безрезультатными: предполагаемый исполнитель либо вовсе не совершал и не собирался совершать преступных действий, либо хотя и собирался их совершать, но затем передумал и не совершил» [8,с.162]. В данном случае автор исходит из того, что исполнитель никаких наказуемых действий не выполнял, а значит, и не может быть привлечен к уголовной ответственности. В любом случае, по нашему мнению, неудавшиеся попытки наладить преступное взаимодействие с другим лицом не создают соучастия. В таких попытках нет совместности преступных деяний, нет субъективной связи между соучастниками, что является обязательным для соучастия.

В ч. 5 ст. 34 УК РФ сказано: «В случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление». Сопоставляя нормы действующего законодательства и мнения различных ученых по данному вопросу, можно сделать некоторые выводы. По нашему мнению, неудавшееся соучастие представляет собой такие обстоятельства, при которых только начавшаяся умышленная совместная деятельность двух или более лиц претерпела определенные изменения и стала невозможной, хотя могла бы иметь место в действительности. Действия организатора, например, по мнению П. Ф. Тельнова, «могут оказаться неудачными в тех случаях, когда лица, усилия которых он пытался объединить для совершения преступления, отклоняют его предложение либо сначала согласятся с ним, а затем откажутся от совершения преступления, а также в случаях, когда он безуспешно попытается организовать преступную группу. Подстрекательство становится неудачным, когда подстрекаемое лицо откажется совершить преступление либо на словах согласится, но затем не совершит даже приготовления к преступлению» [29,с.185].

Пособничество терпит неудачу, если предполагавшийся исполнитель сначала принял содействие пособника, но позднее отказался от совершения преступления, не выполнив и приготовительных действий. Конечно, в данных случаях возможны и другие комбинации и варианты, но суть сводится к одному – соучастие с распределением ролей будет считаться неудавшимся во всех случаях, когда предполагаемый исполнитель никаких преступных действий не совершил. То есть либо исполнитель не собирался совершать преступление, хотя знал о намерениях других соучастников, либо он собирался совершить преступление, но передумал.

Некоторые авторы также считают, что неудавшимся соучастие будет и в том случае, если организатор, подстрекатель, пособник сделали все для совершения преступления, но исполнитель не мог его совершить (например, в связи с его смертью, утратой вменяемости и т.д.). Что касается ответственности при неудавшемся соучастии, то исполнитель не может привлекаться к уголовной ответственности во всех этих случаях.

Рассмотрим других соучастников. Современное уголовное законодательство содержит в себе положение, согласно которому такая ответственность имеет место при неудавшемся подстрекательстве. Об этом говорится в ч. 5 ст.34 УК РФ: «За приготовление к преступлению несет уголовную ответственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления». Но здесь ничего не говорится о квалификации и ответственности деяний организатора и пособника. Получается, что неудавшаяся организация преступления и неудавшееся пособничество, по своей сути, означают «покушение» на соответствующий вид деятельности, поэтому, как и «неудавшееся» подстрекательство, должно влечь законодательное закрепление уголовной ответственности за приготовление к соответствующему преступлению. В ч. 1 ст. 30 УК РФ указано, что «приготовлением к преступлению признаются ... приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Внося некоторую ясность, заметим, что соучастие при неоконченном преступлении будет иметь место во всех случаях совместной деятельности двух или более лиц, заключающей в себе действия по приготовлению к преступлению, даже если здесь нет фигуры исполнителя. Тогда каждый из соучастников будет нести уголовную ответственность по соответствующей статье Особенной части со ссылкой на ст. 30 и ст. 33 Общей части УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование различных аспектов сложной и многогранной проблемы соучастия позволило сформулировать следующие выводы и предложения.

Действующее уголовное законодательство под влиянием науки уголовного права и потребностей практики применения уголовного закона значительно усовершенствовало институт соучастия в преступлении: уточнило понятия, данные в ранее действовавшем УК РСФСР 1960 г., ввело некоторые новые понятия (организованной группы, преступного сообщества и др.), нормативно закрепило классификацию соучастия, более подробно урегулировало вопрос об основаниях и пределах уголовной ответственности соучастников преступления, отразило специальные вопросы соучастия в преступлении (особенности добровольного отказа организатора, подстрекателя и пособника, ответственность соучастников при эксцессе исполнителя и др.). Редакция УК РФ 1996 г. в определенной мере коснулась и других уголовно-правовых средств борьбы с групповыми преступлениями. В частности, законодатель признал только одну форму прикосновенности к преступлению – заранее не обещанное укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ) и закрепил посредственное совершение преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Мы полагаем, что и соучастие как система – это не вообще совокупность взаимодействующих компонентов, но совокупность (комплекс) «избирательно вовлеченных». Это особые, специально выбранные компоненты (соучастники), и существует понятная причина такой избирательности. Соучастники имеют желание соучаствовать в совершении преступления. Это доминирующая для них мотивация. Соучастники теряют часть своих степеней свободы, и, ограничив их, становятся в определенное и конкретное отношение друг к другу, направляя тем самым свои функциональные возможности в какую-то физическую «точку». Они взаимодействуют. Поэтому соучастие само по себе следует рассматривать как одно из проявлений его качеств.

Соучастники взаимодействуют на получение фокусированного результата. Это «системообразующий фактор». Это причина образования системы, определяющая избирательность вовлекаемых соучастников и необходимость взаимодействия. В систему входят только те соучастники и только в таких взаимоотношениях, которые имеют какое-либо значение в получении требуемого результата и обеспечивают тем самым жизнеспособность самой системы.

Действия отдельного соучастника не должны рассматриваться как самостоятельная причина или условие общего результата. При совершении преступления в соучастии сами интегрированные действия соучастников носят системный характер и поэтому выступают в качестве системной причины наступившего результата. Вычленять из интегрированных действий соучастников действия исполнителя (да и любого другого соучастника), назвав только их причиной, нельзя. Причина преступного результата – не действия отдельного соучастника, а взаимодействие соучастников.

Соучастие существует лишь тогда, когда соучастники действуют с умыслом и по соглашению между собой. Отсюда, естественно, вытекает, что знание каждого об умысле других и выраженное внешне соглашение на интегрированные действия, направленные на достижение общего результата, влекут солидарную ответственность соучастников (каждый за всех и все за каждого). Количественный признак соучастия характеризуется наличием двух или более лиц, каждое из которых является субъектом преступления.

Исходя из проведенного исследования, считаем целесообразным внесение следующих изменений в действующее законодательство.

1. Целесообразно в статье, в которой дается понятие соучастия в преступлении, отразить также основное уголовно-правовое значение этого института. На наш взгляд, редакция указанной статьи должна выглядеть следующим образом: «Статья 32. Понятие и значение соучастия в преступлении

1. Соучастием в преступлении признается совместное участие двух и более лиц, являющихся субъектами преступления, в совершении одного и того же умышленного преступления.

2. Соучастие является основанием уголовной ответственности лиц, совместно совершивших преступление. Исходя из предложенного определения соучастия, следует выделить два его признака, а именно: множественность субъектов преступления и совместность совершаемого ими преступления. Эти признаки в совокупности отличают соучастие от других случаев множественности участников преступления и стечения нескольких лиц в одном преступлении (посредственного причинения, неосторожного сопричинения, группового посягательства при одном субъекте преступления, толпы как элемента обстановки при массовых беспорядках и т.д.)».

2. Предлагается переработать ст. 35 УК РФ, которая посвящена «совершению преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» таким образом, чтобы норма о групповых формах соучастия содержала единую систему преступных групп, в основе которой будет лежать единый критерий – общественная опасность, которая зависит от степени организованности преступной группы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативно–правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 15 – Ст. 1691.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63–ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018)// «Российская газета» – 1996 – № 113
3. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 // СУ РСФСР – 1919 - № 66 - ст. 590 (документ утратил силу)
4. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): постановление ВЦИК от 01.06.1922 // СУ РСФСР – 1922 - № 15 - ст. 153 (документ утратил силу)

Учебная и научная литература

5. Арутюнов, А.А. Соучастие в преступлении / А.А. Арутюнов. – М.: Статут, 2017. – 387 с.
6. Афиногенов, С. В. Соучастие в преступлении (понятие, виды, формы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / С.В.Афиногенов. – М., 1991. – 29 с.
7. Безбородов, Д.А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа: учебное пособие / Д.А. Безбородов. – С.Пб, 2014. – 287 с.
8. Бурчак, Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак. – Киев, 1969. – 273 с.
9. Ветров, Н. И. Уголовное право. Общая часть / Н.И. Ветров. – М., 2009. – 512 с.
10. Галиакбаров, Р.Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар, 2012. – 180 с.
11. Гришаев, П. И., Соучастие по уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М., 1959. – 128 с.
12. Гукова, И.С. Институт соучастия: соотношение квалифицирующих признаков преступления и положений общей части Уголовного кодекса Российской Федерации / И.С. Гукова // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования. 2016. – С. 10–16
13. Елифанова, Е.В. Становление и развитие института соучастия в преступлении в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Елифанова. – Краснодар, 2002. – 31 с.
14. Звечаровский, И.Э. Добровольный отказ от доведения преступления до конца / И.Э. Звечаровский. – СПб., 2008. – 154 с.
15. Иванов, Н. Критерии разграничения преступных группировок / Н. Иванов // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 44–49
16. Козлов, А. П. Соучастие в преступлении / А.П. Козлов. – СПб., 2011. – 152 с.

17. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2014. – 345 с.
18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есаков и др.; под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2017. – 1024 с.
19. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1. – М., 2013. – 681 с.
20. Кухтина, Т. В. К вопросу о признаках соучастия / Т.В. Кухтина // Вестник ЮжноУральского государственного университета. Серия: Право. – 2009. – № 40 (173). – С. 57–61
21. Мондохонов, А.Н. Формы соучастия в преступной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Мондохонов. – М., 2005. – 37 с.
22. Наумов, А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций / А.В. Наумов. – М.: Изд-во БЕК, 2016. – 499 с.
23. Осокин, Р.Б., Влияние смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств, относящихся к личности исполнителя, на ответственность других соучастников / Р.Б. Осокин, А.В. Курсаев // Российский следователь. – 2011. – № 8. – С. 13–18
24. Питецкий, В. Неудавшееся соучастие в преступлении / В. Питецкий // Российская юстиция. – 2013. – № 4. – С. 50–54
25. Сизов, А.А., О стадии судебного разбирательства в уголовном процессе Великобритании / А.А. Сизов, Р.Ф. Шахбазов // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник статей. – Курск, 2015. – С. 285–289
26. Сизов, А.А., Правовой статус иностранного гражданина по российскому уголовному законодательству / А.А. Сизов, Р.Ф. Шахбазов // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. – 2015. – № 7. – С. 191–194
27. Субачев, А.К. Субъективные признаки соучастия преступлению: спорные вопросы законодательного описания / А.К. Субачев // Юридическая наука в Китае и России. – 2017. – № 1. – С. 163–167
28. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Т. 1: Часть общая / Н.С. Таганцев. – М., 2004. – 482 с.
29. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М.: Юридическая литература, 1974. – 296 с.
30. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М., 2015. – 467 с.
31. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. В.В. Лукьянова, В.С. Прохорова, В.Ф. Щепелькова. 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 502 с.
32. Уголовное право России. Часть Общая: учебник / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 2014. – 489 с.
33. Уголовное право России: Общая часть: учебник / под ред.

Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб, 2016. – 682 с.

34. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Б. В. Здравомыслова. – М., 2006. – 462 с.

35. Шарапов, Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов // *Lex russica*. – 2016. – № 10. – С. 108–112

36. Шахбазов, Р.Ф. К вопросу о дифференциации наказания за террористический акт и пособничество в его совершении / Р.Ф. Шахбазов // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 2015. – № 11–4. – С. 573–578

37. Шахбазов, Р.Ф. Рецидивность преступлений с участием иностранных граждан / Р.Ф. Шахбазов // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*, 2015. – № 11–5. – С. 194–197

38. Шеслер, А.В. Перспективы совершенствования уголовно –правовых норм о соучастии в преступлении / А.В. Шеслер // *Lex russica*, 2017. – № 6. – С. 28–32

39. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В.Ф. Щепельков. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2013. – С. 227–289

40. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. – СПб., 2007. – 1472 с.

Материалы судебной практики

41. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 29.11.2016) // «Российская газета» – №29 – 11.02.2011

42. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) // «Российская газета» – № 9 – 18.01.2003

43. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.12.2003 № 26–003–9. – СПС «КонсультантПлюс»

44. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2004 № 46–004–85сп. – СПС «КонсультантПлюс»

45. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2005 № 83–005–5. – СПС «КонсультантПлюс»

46. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.01.2014 № 8–АПУ13–13. – СПС «КонсультантПлюс»

47. Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № 4014/03. – СПС «КонсультантПлюс»

48. Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации № 606/01. – СПС «КонсультантПлюс»

49. Приговор Ленинского районного суда г. Челябинск, дело №1–614/2015 – <http://судебныерешения.рф/Бвг/саве/7617829>

50. Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы по делу №1–669/2015 – <http://судебныерешения.рф/Б8г/саве/7632917>

51. Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции. – СПС «КонсультантПлюс»

52. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за 3 квартал 2004 г.: судебная практика по уголовным делам // "Бюллетень Верховного Суда РФ" – 2005 – № 4

Электронные ресурсы

53. Министерство Внутренних Дел Российской Федерации. Официальный сайт. Состояние преступности – <https://мвд.рф/folder/101762/item/8127775/>